

Довольно быстро стемнело. Тянь Яо разогрел куриный суп, оставшийся с обеда. Увидев, что Юй Ян не ест пампушки, он немного удивился:

— Ты почему пампушки не ешь? Их ещё несколько осталось.

Юй Ян взял кукурузные пампушки, оставшиеся с сегодняшнего дня, разломал их на кусочки, бросил в суп и съел всё.

После ужина стемнело. Тянь Яо зажжёт только одну масляную лампу, но не забыл дать Юй Яну попарить ноги в горячей воде.

Юй Ян уже привык к этому. Он услышал, как Тянь Яо спросил, знает ли он, как выглядит нанму. Юй Ян не понял, зачем ему это понадобилось, ничего не сказал, но попросил принести угольный грифель и нарисовал на обороте страницы в книжечке, которую оставил ему маленький папочка — на чистом месте.

— Ты так хорошо рисуешь! — Тянь Яо приблизился к масляной лампе, чтобы рассмотреть. Юй Ян рисовал самым дешёвым угольным грифелем, но несколькими беглыми штрихами передал и форму, и дух дерева.

Юй Ян, однако, не разделял его восторга. По сравнению с рисунками в начале этой книжечки, в его рисунке были только техника, но не было чувства. А в тех, первых, — была тревога отца за туманное будущее своего ребёнка.

Тянь Яо, по-прежнему беззаботный, лёг рядом с ним и принялся рассказывать, что будет делать завтра. Сначала его речь была ещё связной, но потом ему очень захотелось спать; он говорил то про яйца тётушки Чжан, то про корову старосты, а потом замолчал.

Юй Ян тоже привык к его способности засыпать мгновенно и потихоньку закрыл глаза.

За эти два дня его тело восстановилось гораздо лучше, чем раньше, поэтому спал он уже не так много. Но когда он проснулся утром, на другой половине кровати уже не было тепла — Тянь Яо давно встал.

В комнате было тихо. Юй Ян прислонился к изголовью кровати и сел. Тянь Яо услышал шум и вошёл в комнату с зажжённой масляной лампой:

— Ты чего так рано встал? Сейчас только середина Мао-ши*, ещё рано.

— А ты? — спросил Юй Ян.

Глаза у Тянь Яо засветились. Это был первый раз, когда Юй Ян заговорил с ним не из-за собаки.

— Мне нужно в горы за дровами. — Он сел на край кровати, наматывая на ноги обмотки, рукава подвязал ремешками, распущенные волосы тоже убрал и только тогда встал. — Скоро осень, на зиму нужно побольше дров. Заодно попытаю удачу — может, попадётся какая-нибудь крупная добыча.

— Ещё не рассвело, — сказал Юй Ян.

— Я всегда в это время в горы хожу. — Тянь Яо уже собрался. Завтрак он поставил к изголовью кровати. — Сегодня я, наверное, рано не вернусь, так что к полудню тебе, возможно, придётся поесть холодных пампушек. Я вернусь — приготовлю ужин.

Юй Ян кивнул.

Перед уходом Тянь Яо снова отвёл Юй Яна в нужник, помог ему управиться, потом присел на корточки, постучал Пепла по носу:

— Расти быстрее, сторожи своего отца, не давай никому его обижать.

Юй Яну в комнате было всё отлично слышно. Уголок его губ дёрнулся.

Горы за деревней Хуайлин были чрезвычайно обширны. Тянь Яо с детства много раз ходил по горным тропам вместе с папой. Вблизи от глубоких лесов папа дальше его не пускал, говорил, что там водятся хищные звери — опасно.

Поэтому после смерти родителей Тянь Яо сначала ходил на подработки, зарабатывая деньги, и редко поднимался в горы на охоту. А когда перестал находить подработки, стал охотиться на мелкую дичь, собирать травы и иногда менять их в посёлке на деньги.

С тех пор как случилась та история и он выплатил все свои сбережения, он стал ходить в горы чаще, но всё равно не в самую глушь — только по краю. Однако и там бывала добыча: однажды он видел там следы крупного животного.

Он вернулся домой, сравнил с картинками в книжечке и понял, что это должны быть следы дикого кабана.

Раньше он никогда не охотился на такую крупную дичь — ему как будто не было нужды рисковать. Но теперь он создал семью, а в доме деньги нужны на всё. С покупкой земли можно повременить, а вот кресло-коляска для Юй Яна сейчас — самое главное. Поэтому он решил пойти туда, где раньше видел следы кабана — попытать удачи.

Хотя бы до конца года заработать на коляску для Юй Яна. С коляской Юй Ян сможет двигаться самостоятельно, когда его не будет дома, и не останется голодным.

Чем дальше в горы, тем вокруг прохладнее. Тянь Яо всегда любил ходить налегке — с собой только два пампуша да нож для хвороста.

Лесные фрукты, перезрев, падали на землю. От них исходил приторно-сладкий запах, который здесь уже превратился в запах гнили. Тянь Яо было жалко. Раньше, когда папа ходил в горы, он в сезон всегда приносил домой много таких фруктов — им с папочкой. А с тех пор как папа умер, Тянь Яо уже давно не ел этих диких фруктов.

Тянь Яо остановился передохнуть. Дальше начинались глубинные леса, куда жители деревни Хуайлин никогда не заходили.

Хотя солнце уже стояло высоко, в горах не чувствовалось его жарких лучей — сквозь листву пробивались только кое-где пятнышки света. Тянь Яо поднял голову — ему показалось, что огромные тени деревьев сейчас похожи на ночное небо, усыпанное звёздами.

В глубине леса росли не только сосны и кипарисы, но и много деревьев, которых Тянь Яо вовсе не знал. Он подумал: как хорошо было бы, если бы Юй Ян мог прийти сюда — он бы точно знал, что это за деревья.

Он подошёл к тому месту, где раньше видел следы кабана. Здесь лес ничем не отличался от обычного. Тянь Яо спрятался в густых кустах и затих, прислушиваясь к звукам вокруг. Он даже дышать старался еле слышно.

Он пролежал здесь почти целый день, но ничего не поймал. Когда стемнело, он пометил это место и пошёл вниз с горы.

Обратно он всё же принёс вязанку дров.

Юй Ян был в комнате, сидел на кровати. От нечего делать он листал книжечку, которую оставил маленький папочка.

Тянь Яо отряхнул с себя сухие листья, сел на край кровати и немного поговорил с Юй Яном.

Тянь Яо прождал на этом месте в горах три дня подряд и наконец заметил кое-что необычное. На четвёртый день, когда он поднялся в горы, он снова увидел следы.

Земля вокруг следов была ещё влажной — значит, зверь прошёл здесь недавно. Тянь Яо затаил дыхание и пошёл по следам, крепче сжимая в руке нож для хвороста.

Он шёл всё глубже в горы, следуя за следами. В чаще исчезли даже едва слышные звуки насекомых. Самым громким звуком, который мог слышать Тянь Яо, было его собственное дыхание.

Такая тишина — наоборот, была неестественной.

Он уже чувствовал, как за ним наблюдают чьи-то глаза. Тянь Яо замедлил дыхание. В тот самый миг, когда он обернулся, тяжёлая туша кабана уже неслась на него. Тянь Яо остался стоять на месте, сжал кулак и с силой ударил. Кабан летел прямо на его кулак, но, столкнувшись с ним, жалобно завизжал и отлетел в сторону, ударившись о большое дерево.

Тянь Яо почувствовал, что пальцы у него сейчас сломаются, на них уже выступила кровь. Кабан, завизжав, снова бросился на Тянь Яо.

Тянь Яо чувствовал, что всё его тело горит, вся кровь прилила к рукам и к голове.

Он уже не помнил, что говорил папа о том, как вести себя при встрече со зверем, превышающим тебя размерами. Когда кабан атаковал снова, он опять ударил изо всех сил.

Кабан врезался в дерево, его визг разнёсся по лесу.

Только тогда Тянь Яо понял: нужно кончать быстро — кабаны живут стадами, если один попал в беду, остальные придут следом.

Тянь Яо, не переводя духа, бросился к кабану и одним ударом ножа перерубил ему шею. Хлынул густой запах крови. Он тяжело дышал, но не успел привести себя в порядок — взвалил на плечи ещё дымящуюся тушу и, не оглядываясь, вышел из глухого леса.

Когда он выбрался из чащи и уже мог разглядеть дым над домами в деревне — он наконец вздохнул с облегчением.

Тушу кабана он опустил на землю, подняв облако пыли. И только тогда до него дошло — он действительно убил кабана. Щетина у кабана была жёсткая и колючая, длинные клыки в холодной ночи казались жуткими и страшными, из пасти текла слюна.

Вся дорога была забрызгана кровью, которая капала с туши, которую он нёс на плече.

Тянь Яо вздрогнул, вспомнив, что папа говорил: нельзя, чтобы лесные звери узнали дорогу в деревню. А он нёс кабана, и кровь капала сюда. Если из-за него звери узнают путь вниз с горы — это будет его вина.

Тянь Яо немного отдохнул. Уже стемнело. Он оставил кабана на обочине, повернулся и с ножом в руке побежал обратно.

Вокруг стрекотали мелкие букашки, ветер шуршал листвой. Тянь Яо было не по себе, но это он сам всё затеял, ему самому и исправлять.

Когда он дошёл до границы между мелколесьем и глухим лесом, он снял с себя верхнюю одежду — всю в крови своей и кабана — и бросил на другую тропу, в стороне от деревни.

А потом ножом для хвороста перекопал землю там, где была кровь, чтобы полностью скрыть следы. Он решил, что завтра нужно будет снова подняться в горы и окончательно убрать все запахи.

Юй Ян смотрел, как день постепенно темнеет, но шагов Тянь Яо дома всё не было слышно. В прошлые дни, когда солнце клонилось к закату, Тянь Яо уже возвращался. Правда, на лице его было разочарование, но он всё равно подбадривал себя и говорил, что охота — дело такое, иногда по полмесяца ничего не поймаешь.

А сегодня уже стемнело, последний солнечный луч уполз за окно, а Тянь Яо всё не было.

Раньше Юй Ян слышал от своих людей: обычные охотники ходят на охоту группами по три-пять человек, и когда темнеет — возвращаются домой, с добычей или без, потому что ночью в горах опасно вдвойне.

А Тянь Яо к тому же был гэром.

Юй Ян уже не знал, в который раз смотрел на дверь. Пепел среагировал быстрее него — сразу вскочил и побежал к порогу: он учуял на Тянь Яо запах крови и запрыгал вокруг него, обнюхивая.

— Всё-всё-всё, — голос Тянь Яо долетел до ушей Юй Яна, и только тогда тот выдохнул с облегчением.

Тянь Яо уже выбился из сил. Кабан весил никак не меньше четырёхсот цзиней*. Он тащил его на себе всю дорогу, и какой бы силой он ни обладал, сейчас он чувствовал полное изнеможение.

Бросив кабана во дворе, он ещё помнил, что Юй Ян целый день сидел взаперти в комнате. Он почти на четвереньках дополз до дома и наконец прислонился к дверной створке — у него не было сил идти дальше.

— Что с тобой? — спросил Юй Ян. Как только Тянь Яо вошёл, он почувствовал сильный запах крови. При свете масляной лампы он увидел длинные ссадины на шее Тянь Яо, и щека у него немного опухла.

Тянь Яо, прислонившись к двери, тяжело дышал. Ему немного хотелось похвастаться:

— Я убил дикого кабана.

Он поднялся, подошёл к кровати и сел на край, показывая руками:

— Такого огромного кабана — я первый раз такого встретил.

— Ты ранен? — Юй Ян смотрел на него: верхней одежды не было, на суставах пальцев — ссадины, а самое серьёзное — на шее, кровь уже залила его белую нижнюю рубашку.

— Без ран не бывает, — голос Тянь Яо стал тише — видно, он устал до предела. — Ты подожди, я немного отдохну и пойду готовить ужин.

Сердце у Юй Яна дрогнуло. Он протянул Тянь Яо пампушку — ту самую, что не съел в полдень:

— Не готовь ужин, съешь это.

Тянь Яо поднял голову. Его тело среагировало быстрее, чем мозг — он взял пампушку и проглотил её, почти не жуя.

— Ты почему не ел? Только тот один с утра и съел? — Тянь Яо облизнул губы — почувствовал, что к его пустому телу вернулись силы.

— Я целый день почти не двигался, не голоден.

Тянь Яо улыбнулся. Через два-три дня Юй Ян наконец заговорил с ним нормально.

— Дай мне ещё немного отдохнуть, — он не лёг на кровать, боясь испачкать её. — Надо хорошо отмыться.

Когда Тянь Яо наконец немного восстановил силы, он глубоко вздохнул и встал:

— Даже если не голоден — поесть надо. Ты раньше, наверное, питался кое-как — то ел, то нет. Маленький папочка говорил, что от этого желудок и селезёнка портятся.

Тянь Яо сначала вскипятил воду, быстро сварил миску лапши. В этот раз она получилась вкуснее, чем в прошлый, — по крайней мере, Юй Ян из уважения съел всё.

Тянь Яо было лень мыть посуду сразу, что случалось с ним редко. Он сначала вымылся сам и, одетый в тонкую нижнюю рубашку, весь влажный, вернулся в комнату и лёг в кровать.

Юй Ян смотрел на него. Раны на шее от воды снова открылись — корочки, которые только начали затягиваться, смылись, и стала видна розовая плоть.

Юй Ян перевёл взгляд на его лицо — на щеках тоже были ссадины, и на руках тоже.

Интересно, как этот гэр, столкнувшись с кабаном, которого боятся даже опытные охотники, сумел не только остаться в живых, но и убить зверя и притащить домой.

— Тянь Яо, вставай, нанеси лекарство, — Юй Ян потряс Тянь Яо за плечо, но тот, раздражённый, отодвинул его руку.

— Не хочу. Юй Ян, я очень спать хочу, не говори ничего.

В темноте Юй Ян чувствовал, как сквозь запах мыльных орешков* на теле Тянь Яо пробивается запах крови. Он попробовал пошевелить ногами, но понял, что это бесполезно.

Глубокое чувство бессилия охватило его сердце.

п/п:

«Период «мао» (卯) соответствует 5:00–7:00 утра. Соответственно, “середина Мао-ши” — это около 6:00 утра.

«Четыреста цзиней» (斤, jīn) — китайская единица измерения веса. Один цзинь исторически составлял около 0,5 кг (в некоторых регионах до 0,6 кг). Четыреста цзиней — это примерно 200 кг.

«Мыльные орешки» (皂荚, zào jiá) — плоды гледичии (мыльного дерева), содержащие сапонины. В древнем Китае их использовали как натуральное моющее средство для стирки и мытья.

<http://bllate.org/book/17624/1640699>